

DOI:

СИСТЕМА КЛЮЧЕВЫХ АКСИОЛОГЕМ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ВНЕОБРЯДОВЫХ ПЕСНЯХ

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>; burhan_berberov@mail.ru

В статье представлен анализ карачаево-балкарских историко-героических песен XIV-XX вв., в жанрово-стилистическом отношении квалифицируемых как произведения внеобрядовой поэзии. Конкретный материал исследования – песенные тексты о Тамерлане-завоевателе; о социально-классовом неравенстве крестьян и эксплуататоров; об эпидемических заболеваниях (чума, холера); о межэтнических коллизиях, о событиях Великой Отечественной войны; о депортации карачаевцев и балкарцев в 1943-1957 гг.; об идеалах советской эпохи. Особенностью статьи является фокусировка авторского внимания не столько на конкретно-событийной стороне историко-героических песен, сколько на результатах народной рефлексии и комплексного осмысления описанных происшествий и фактов с точки зрения гуманистической философии. Методом сплошной выборки, компонентного анализа и путем систематизации всего изученного лиро-эпического материала выявлен комплекс основных аксиологем, в целом характеризующих ценностную картину мира горцев Северного Кавказа. Это – «приоритет духовного над материальным», «принцип разумного альтруизма», «здоровый консерватизм в гендерных вопросах», «абсолютизация мирной жизни», «отрицание военных конфликтов», «сохранение этнической идентичности», «культ созидательной работы», «вертикаль духа». Теоретическая значимость статьи состоит в уточнении смыслового объема понятия «аксиологема» применительно к устному народному творчеству. Практическая ценность заключается в том, что материалы статьи могут быть использованы в процессе чтения курсов по истории карачаево-балкарского фольклора в системе высшей школы. В воспитательной системе северокавказских общеобразовательных школ материал об архетипических духовно-нравственных ценностях, запечатленных в фольклорных текстах, также может получить результативное применение.

Ключевые слова: фольклор, внеобрядовая поэзия, историко-героические песни, анализ, ключевые аксиологемы.

Для цитирования: Берберов Б.А. Система ключевых аксиологем в карачаево-балкарских внеобрядовых песнях // KAVKAZ-FORUM. 2026. Вып. 27(34). С. 22- 34. DOI:

Введение

Решением Правительства Российской Федерации 2026 г. объявлен Годом единства народов России. Столь значимый календарный статус предусматривает проявление отечественными гуманитариями особо пристального внимания к культурному наследию каждого этноса в нашей стране. В этой связи *актуальным* представляется исследование карачаево-балкарского песенного эпоса с объективизацией его традиционных ценностных ориентиров в виде четко выраженных смысловесущих образных единиц. *Цель* настоящей статьи – рассмотреть стадийное развитие наиболее презентативных матриц этнического мировосприятия, определяющих менталитет северокавказских горцев. Достижение цели предусматривает решение следующих взаимосвязанных *задач*: определить разницу между обрядовыми и внеобрядовыми песенными текстами; исследовать в диахронической форме наиболее релевантные фольклорно-песенные тексты; выявить серию ключевых аксиологем; интерпретировать их смысловое значение; провести тематическую классификацию аксиологически нагруженных фольклорных единиц.

Основной материал исследования – «Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия» [1] и «Свод карачаево-балкарского фольклора «Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев» [2].

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды российских, в том числе, северокавказских филологов-теоретиков, где прямо, косвенно или опосредованно освещаются проблемы, связанные с разработкой базового понятия «художественная аксиологема». Проведенный нами специальный анализ показал многообразие синонимичных определений названной терминологической конструкции: «образное умозаключение» [3, 33], «культурная константа» [4, 4], «архетипический мотив» [5, 39], «актуальная матрица» [6, 173]. В контексте нашего исследования весьма продуктивной представляется и теория фреймов, согласно которой фрейм – это «эталонная модель и мера идентичности, с которой в сознании человека соотносятся элементы реального бытия (природного, смыслового, культурного, деятельностного, поведенческого, коммуникативного)» [7, 46]. Для решения поставленных задач в статье использованы следующие методы исследования: сравнительно-типологический, культурно-исторический, системно-структурный, компонентный, аксиологический.

Основная часть

Теоретиками отечественного фольклора давно установлен генезис народной поэзии. Понятием «бифуркация» объясняется исторически предопределенное раздвоение устного народного творчества на обрядовые и внеобрядовые фольклорные тексты. Принципиальная разница между этими двумя жанрами определяется спецификой приоритетных задач:

первый был ориентирован на реализацию экзистенциально важных обрядов с элементами драмы, второй же считался искусством выражения «душевных переживаний и мыслей» [8, 450] субъекта.

Сказанное имеет прямое отношение к песенному наследию карачаево-балкарского народа. Его фундаментальную, инициальную основу составляют обрядовые песни, приуроченные к календарно-сезонным праздникам («Долай» [1, 235], «Эрирей» [1, 235], «Инай»), «Сабанчыны жыры» («Песня пахаря») [1, 235], а также трудовые, индустриальные песни, побуждающие мастеров повышать производительность труда с помощью специальных фонологически красиво оформленных припевов (ой-ай-хай, уф-ах-ых, «ур, салта» («бей, молот») [1, 238] и т.д. Среди них такие песни, как «Песня ткачей» («Чепкен этгенлени жыры») [1, 236], «Песня каменотеса» («Хуначыны жыры») [1, 238]. На сегодняшний день полновесное представление об обрядовом фольклоре в его эволюционном развитии можно получить из монографии Х.Х. Малкондуева «Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев» [9], а также из научной статьи Ф.Х. Занукоевой «К истории сбора, публикации и изучения семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев» [10]. Проясняя вопрос генетической связи между двумя фольклорными субкультурами, Х.Х. Малкондуев пишет следующее о внеобрядовых текстах: «Данный вид поэтического искусства мы отнесли бы к классическому жанру народной лирической песни, которая, трансформируясь в своем становлении, вбирала лучшие художественно-стилевые традиции предшествующей ей обрядовой лирической поэзии» [11, 160].

В чистом, «нескрещенном» виде внеобрядовый цикл начинается с историко-героических песен. Словосочетанием «тимуровский цикл» в карачаево-балкарском фольклоре обозначены народные и авторские песни, где освещаются события, «связанные с нашествием Аксак Тимура на территорию Северного Кавказа» [12, 43].

В «Легенде о Хромом Тимуре» («Акъсакъ Темирни тауруху») статусом ключевой фольклорной формулы наделена любимая поговорка свирепого завоевателя «Чтобы свалить дуб, его надо грызть долго» [2, 61]. Суть изречения в нацеленности кровожадного агрессора на амбициозные цели подчинить себе всю планету, поставить на колени весь человеческий род («дуб»).

Особое место в «тамерлановедении» занимает и поэма Д.-Х. Шаваяева (Абайханова) «Сказание о Хромом Тимуре» («Акъсакъ Темирни тауруху») [13, 115–125], которая завершается философским умозаключением, оформленным как риторический вопрос:

Къабырына не алды ол,
Бу жарыкъ, бу дуниядан?

[13, 124].

*Что он забрал с собой в могилу,
Из этого светлого, из этого мира?*
(подстр. перевод наш – Б.Б.).

Считаем, что приведенное двустишие имеет огромный воспитательный потенциал, заставляющий каждого индивида задуматься о смысле человеческого существования, о добре и зле, о том, какой оставлен «незримый, прочный след в чужой душе на много лет» [14, 99].

Народные беды на Северном Кавказе не ограничивались вторжением иноземных диктаторов. Несовершенное социальное устройство порождало своих «чингисханов» и «тамерланов», которые в рамках классового антагонизма притесняли своих собственных соплеменников – представителей «простого народа» из числа «неимущих». В анналах национальной истории запечатлены имена богачей, которые в силу завышенных амбиций простым сельчанам не разрешали пользоваться родниковой водой, сенокосными угодьями; неугодных протестантов по сфабрикованным судебным документам они зачастую отправляли в Сибирь, на тюремные нары.

В карачаево-балкарском фольклоре запечатлены многочисленные имена народных заступников, которые не просто сражались, но отдали свои жизни за светлые идеалы, за утверждение социальной справедливости. Их имена навсегда запечатлены в историко-героических песнях, тематически связанных с народно-освободительным движением. Речь идет о произведениях «Песня Азнора» («*Азнорну жыры*») [2, 89–92], «Песня Атабия» («*Атабийни жыры*») [2, 93–97], «Песня о Бекболате» («*Бекболатны жыры*») [2, 119–121], «Гапалау» [2, 125–126], «Домалай» [2, 130–132], «Канамат» [2, 133–135] и др. Здесь обращает на себя внимание эффект «сплошного антропоцентризма», под которым подразумевается концентрация авторского внимания на одной, отдельно взятой героизированной личности, имени народного лидера. В сходной художественной форме решаются и сюжетные истории с иноземными захватчиками, где также выявляются ключевые имена героев и запечатлеваются в песнях одического типа.

Литературоведческий анализ показывает, что во всех такого рода лиро-эпических текстах доминирующая роль отводится объективному дискурсу, описанию конкретных исторических событий, но часто в рефрене выражается субъективное отношение народа, безымянного сказителя к протагонисту с коротенькой, но емкой характеристикой его личности. Ярким тому примером служит песня «Гапалау», где каждая строфа завершается фольклорной формулой «Анасына жигит туугъан Гапалау» [2, 125] («*Для матери джигитом родившийся Гапалау*») [2, 126]. Перевод фразы на русский язык кажется несколько неуклюжим, даже косноязычным, но в ней содержится глубокий смысл благодаря гендерному конструкту, возвеличивающему образ не только персонального героя-протагониста, но

и его матери, его фамильно-родовых корней, подаривших миру данную героическую личность.

Все такого рода историко-героические песни, завершающиеся трагической гибелью главного героя, отечественный философ и культуролог Ю.Б. Боров называет *«оптимистическими трагедиями, где даже смерть служит жизни»* [15, 77]. Развивая эту мысль, автор далее отмечает: «Центральная проблема трагедийного произведения – расширение возможности человека, разрыв тех границ, которые исторически сложились, но стали тесными для наиболее смелых и активных людей, одухотворенных высокими идеалами. Трагический герой прокладывает путь к будущему, он взрывает устоявшиеся границы, он всегда на переднем крае борьбы человечества, на его плечи ложатся наибольшие трудности» [15, 77].

Кроме военных конфликтов, фатальным социальным бедствием для общества становились эпидемические заболевания, которые безжалостно укладывали людей в *«земляные колыбели»* [2, 226]. Следует отметить, что даже в столь сложных, экстремальных обстоятельствах люди стремились оставаться людьми, продолжали заботиться о ближних. Особенно показательна в этом плане песня «В Балкарии крымская холера» [2, 235–237] (*«Малкъарда кырым ёлет»*) [2, 233–235]. По сюжету, когда балкарцам «Тейри дал это большое испытание» [2, 237] (*«Тейри алагъа бир уллу сынау бергенди»*) [2, 234], они первым делом решили предупредить своих соседей дигорцев о надвигающейся беде. Самыми высокими гуманистическими идеями пронизаны ответные действия дигорцев: их князь первым делом «на твердом очажном камне вертикальную линию начертал» [2, 237] (*«Къайын ташха ёре ызлыкъ тартханды»*) [2, 235], что, по нашим предположениям, означало «вертикаль духа». Далее он снарядил в дорогу вместе с балкарскими послами двенадцать сопровождающих всадников для того, чтобы они оказывали посильную помощь соседнему народу, попавшему в беду. Если всю эту фольклорно-художественную «эпидемиологию» просеять через аксиологическое «сито», то в качестве культурного кода останутся ключевые, напутственные слова, вложенные в уста дигорского князя, сказанные им в адрес своих провожатых соплеменников: «В любой ситуации помните о человечности» [2, 237] (*«Къалай болса да, адамлыкъ-гъа базыгъыз»*) [2, 235]. Казалось бы, простые слова, но в них есть архетипическое начало настоящего, «негромкого», деятельного гуманизма.

«Набеговые песни» – универсальный жанр, занимающий большое место в фольклоре каждого северокавказского народа. Не является исключением и карачаево-балкарская историография, где насчитывается около двух десятков набеговых песен.

В целом социальная практика «набегов» на территории средневекового Кавказа имеет широкий диапазон аксиологического восприятия: от первоначальной романтизации до категорического осуждения. В целом

это был грабеж чужого добра со своими малозначительными этическими оговорками, типа «ближних соседей не трогать» и т.д. В ранних набеговых песнях поэтизируются такие чисто маскулинные качества, как удаль, мужество, хитрость, находчивость, умение стать добытчиком для своего дома и своего аула. Более поздние образцы характеризуются нотками категорического народного осуждения набегов как антигуманного, глубоко постыдного социального явления. Инициальные знаки осуждения исходят от женщин (матерей, сестер), которые после увиденных ими вещей предупредительных сновидений уговаривают своих отцов, братьев, супругов не предпринимать опасные для жизни грабительские походы. Статусом фольклорной формулы может быть наделена поговорка «отрубленная голова к шее не прирастет, о-ой» [2, 383] («Кесилген баш тёммегине жабышмаз, о-ой») [2, 373] из набеговой песни «Чюелди» [2, 365–383]. Поучительный смысл приведенной паремиологической единицы заключается в напоминании любителям «побряцать оружием» сверхценности жизни, дарованной человеку Всевышним. Как справедливо отмечает литературовед Б.И. Тетуев, «в текстах зафиксирован исторический момент концептуального переосмысления философии набега, – переосмысления, за которым стоит изменившееся самосознание человека и самосознание народа» [16, 314].

Чтобы и себя не подвергать риску, и у противника не отнимать жизнь, нужно стремиться к умению все конфликтные ситуации решать путем мирных, добрососедских отношений – данная мысль пронизывает содержание набеговых песен позднего цикла.

В целом культ миролюбия на Кавказе поддерживался целой системой тонко разработанных механизмов, наподобие договорного прекращения актов кровной мести, социальных практик аталычества, женских «белых платков» миротворчества и др. Недаром на ножны холодного оружия принято было наносить гравировку со словами «Без нужды не вынимай!».

Однако 22 июня 1941 г. такая «нужда» неожиданно явилась в каждый дом советского гражданина. Карачаево-балкарскими фольклористами собран большой цикл народных песен о Великой Отечественной войне. Джигиты, которые до сих пор жили с установкой «Не вынем без надобности кинжал» («Чыгъармазбыз керексизге къаманы») [2, 520–521], в экстремальный момент, движимые патриотическими чувствами, встали на защиту своего Отечества, поскольку «Богатырь силен своей Родиной» («Батыр къарыулуду туугъан джери бла») [2, 522, 520]. Судя по проанализированным нами текстам, высшей целевой установкой для советских солдат является скорейшее восстановление былой мирной жизни – «Вернувшись с победой, будем косить сено, // Пасти колхозный скот» («Хорлам бла къайтыб чалкъы чалырбыз, // Кютербиз колхоз малланы») [2, 525, 523].

В «Песне храброго джигита» («Джигит джашны джыры») показан гло-

бальный характер мышления советских бойцов, которые хотят «мира во всем мире» – «*Мы установим мирную жизнь // На всю планету целиком*» («*Бютеу дуняны саулай башына // Биз тынчлык джашау салырбыз*») [2, 525, 523]. И, действительно, такое в географическом смысле расширенное планетарное представление о патриотизме заложено в основу антивоенных произведений устного народного творчества периода Великой Отечественной войны. Ярким тому свидетельством являются народные песни о Героях Советского Союза Османе Касаеве (1916–1944) и Харуне Богатыреве (1907–1966), где упоминается множество топонимов (Белоруссия, Берлин, Днепр, Дунай, Кавказ, Карачай, Могилев), свидетельствующих о глобальном мышлении как самих героев, так и безымянных сочинителей данных миротворческих тестов. На наш взгляд, строка «Материнская Земля смотрит на тебя с надеждой» [2, 530] («*Ана джуртунг сени аллынга кьарайды*») [2, 529] в контексте сказанного может расцениваться как актуальная матрица о глубинной сути Великой Отечественной войны. Здесь важно все: и гендерная составляющая (мать как праматерь всего человечества), и абсолютизация героической миссии солдата, и тема исторического оптимизма (надежда).

Разлука с Родиной – одно из самых сильных экзистенциальных потрясений для человека, особенно для северокавказского горца с его сакральным отношением к родной земле, к земле Отцов (Ата джурт). В шестой том Свода карачаево-балкарского фольклора составителями включены два типологически сходных раздела «Песни, связанные с мухаджирством» («*Мухаджирлик жырла*») [2, 542–546] и «Песни о депортации» («*Депортациягъа аталгъан жырла*») [2, 547–571]. При этом историко-культурный контекст и мотивы переселения в данных элегических песнях разные. В первом случае речь идет о мухаджирстве – массовой вынужденной миграции части северокавказских народов в страны Ближнего Востока, в пределы Османской империи во второй половине XIX в. в сложный период Кавказской войны (1763–1864). Второй случай был связан с произволом некоторых советских руководителей, подвергших депортации несколько народов, которым суждено было провести 14 сложных лет на территории Средней Азии и Казахстана. Как мухаджиры XIX в., так и спецпереселенцы середины XX столетия оставили богатое этнофольклорное наследие в виде песен-плачей. Комплексный художественный анализ этих текстов позволяет обнаружить смысловые константы, которые можно квалифицировать как фольклорные формулы. Первая из них зафиксирована нами в «Песне мухаджиров» [2, 543] («*Мухажирлени жыры*») [2, 542]. Вот как она звучит:

Ташыбызны сакъларбыз
Тукъумну бети ючюн,
Жашай барсакъ кёрюрбюз
Аны таркъаймаз кючюн.

[2, 542].

*Мы свой камень сохраним
Как знак нашей фамилии.
В ходе жизни увидим
Его неиссякаемую силу.*
[2, 543].

(подстр. перевод наш – Б.Б.).

«Камень» в данном случае трактуется мухаджирами как квинтэссенция всех ностальгических чувств по родному краю, как символическая частица оставленного Дома, как средоточие и источник физических и духовных сил для обессиленных и обездоленных странников.

Типологически сходные мотивы обнаруживаются и в народной лирике выселения. Страдания физико-биологического характера (холод, болезни, голод, истощение, постоянные стрессы из-за комендантского часа) осложняются болью душевно-психологического характера из-за отсутствия элементов родного ландшафта: гор, скал, камней. Во многих стихотворениях, созданных спецпереселенцами в Средней Азии и Казахстане, звучит следующий лейтмотив, расценивающийся нами как устойчивая фольклорная формула: *«Когда умру, устройте мне могилу на холме, // Чтобы веял воздух с Кавказа»* [2, 569] (*«Ёлсем, кѣбырымы сыртха салчыгъыз, // Кавказдан хауа урурча»*) [2, 568].

Особый раздел в современном «Своде карачаево-балкарского фольклора» занимает цикл «Песни Советского периода (*«Совет жырла»*)» [2, 572–600]. Сразу отметим, что само понятие «советский фольклор» поначалу трактовалось как дискуссионное отечественными критиками, поскольку в «новое время» произведения уже преимущественно сочинялись не «народом», а отдельными творческими единицами, даже официальными членами Союза писателей СССР. Считать это фольклором или нет? На этот вопрос теоретиками был дан следующий исчерпывающий ответ: «Фольклористика, если она хочет иметь дело с настоящим своим предметом в современном творчестве, должна иметь в виду прежде всего содержание произведений, совокупный труд народной массы и творчество отдельного человека, если он творит в границах традиций» [17, 354].

Значительную часть устного народного творчества советского периода определяет «фольклорная лениниана» с характерными заголовками произведений – «Ленин» [2, 574–575], «Да здравствует путь Ленина!» («Ленинни джолу джашасын!» [2, 576–577], «Песня о Ленине» («Ленинни джыры» [2, 578–579], «Новая жизнь» («Джангы джашау») [2, 582–583], «Для партии» («Партиягъа») [2, 593–594.], «Сыны партии» («Партияны джашлары» [2, 595–596]. Сакрализация образа всемирно известного борца за социальную справедливость выражается следующими фольклорными формулами «Десять пальцев его были золотым деревом» [2, 575] («Он бармагъы аны алтын терек эди») [2, 574], «Мы будем шагать в партии, // По пути,

указанному Лениным» [2, 585] («Биз джюрюрюкбюз партияда, // Ленинни берген джолу бла») [2, 584].

По нашему наблюдению, новаторский характер историко-героических песен советского периода определяется повышенным интересом сказителей к образу женщины – социально активной, трудолюбивой, органично совмещающей работу на производстве с обязанностями домашней хозяйки. Такие гендерно маркированные персонажи встречаются в песнях «Песня горянки» [2, 599–600] («Таулу къызы джыры») [2, 597–598], «Колхознице» («Колхозчу къызгъа») [1, 298], «Песня о колхознице и бригадире» («Колхозчу къыз бла бригадирни жыры») [1, 301–302] и др.

Для языка указанных песен характерно использование большого числа заимствованных слов из русского языка – колхоз, колхозница, ударник, выставка, бригада, бригадир, лодырь, косилка, гектар, председатель, грамота, коммунист, машина, май, трудодень, план, легковая (машина), район, учетчик, самолет, летчик, офицер и др.

Ожидаемым образом в такого рода «индустриальных» фольклорных текстах, тематически связанных с поэтизацией труда, формируется особый вид «инклюзивной актуальной матрицы», содержащей внутри себя лексему русского языка. Вот один из самых ярких примеров: «Ударник болуп ишлерме» («Буду работать как ударник») [1, 303]. На наш взгляд, есть все основания данную синтагму с ее четко определенным смысловым наполнением квалифицировать как яркий образец фольклорной формулы эпохи социалистического реализма.

Заключение

Во все времена создавались историко-героические песни, в которых находили отражение конкретные чаяния народа, соотносящиеся с самыми актуальными задачами онтологического порядка. Абстрактное понятие «чаяния» при строгом литературоведческом анализе можно перевести на язык научных понятий и квалифицировать как «сгустки смысла» или «смысловая квинтэссенция». Поскольку в настоящей статье речь идет о произведениях устного народного творчества, то считаем наиболее целесообразным использование терминологического комплекса «сгустки смысла». Диапазон рассмотренных нами текстов простирается от XIV в. до начала XX в., от сказаний о Хромом Тимуре-завоевателе до советских историко-героических песен. Установлены следующие значимые аксиологемы, характеризующие особенности Логоса карачаево-балкарского народа. «Ничего материального человек не заберет из этого мира», «Джигитом родившийся мужчина – отрада для матери», «В любой ситуации надо помнить о человечности», «Во время войн Земля смотрит на человека с надеждой», «Надо сохранять камень как знак своей фамилии», «Похороните меня на холме», «Десять рабочих пальцев – это золотое дерево», «Надо работать как ударник». Судя по этим афористичным выражениям,

базовыми ценностями для горцев Северного Кавказа являются: приоритет духовного над материальным, доминанта мужского над женским, абсолютизация высокой нравственности, отрицание военных конфликтов, поэтизация мирной жизни, вертикаль духа, культ созидательного труда.

1. Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия / сост., автор вступительной статьи Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с. (на карач.-балк. яз.)

2. Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 6. Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев / отв. ред. Б.А. Берберов. Нальчик: Принт Центр, 2025. 624 с. (на русс. и карач.-балк. яз.)

3. Шаронова Е.А. Устное народное творчество: учеб. пособие. Саранск: Мордовский государственный университет, 2019. 96 с.

4. Готов А.М. Константы в культурном пространстве. Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.

5. Доманский Ю.В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь: ТГУ, 1999. 92 с.

6. Кучукова З.А., Атабиева Л.Х. Актуальные матрицы зарубежной литературы: от античности до современности // Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Нальчик, 01–30 ноября 2023 г.). Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2024. С. 169–174.

7. Тхагапсоев Х.Г. Фрейм как категория информационного бытия и мера культуры // Культурологическая наука на парадигмальных разломах: избранные труды. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 45–52.

8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

9. Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.

10. Занукоева (Гулиева) Ф.Х. К истории сбора, публикации и изучения семейно-обрядового фольклора карачаевцев и балкарцев // Вестник КБИ-ГИ. 2025. №4-2 (67). С. 162–172.

11. Малкондуев Х.Х. Внеобрядовая лирическая поэзия. Генезис и поэтика // Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI-XIX веков. Ч. I. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 160–223.

12. Берберов Б.А. «Тимуровский цикл» в карачаево-балкарском фольклоре и «Сказание о Хромом Тимуре» Д.-Х. Шаваева // Карачаево-балкар-

ский фольклор и литература: к проблеме преемственности. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 43–50.

13. Шаваев (Абайханов) Д.-Х. Дуния сагъышла (Раздумья о жизни): Поэмы. Зикиры. Стихи: в 2-х ч. Ч. II. / сост. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: КБНЦ РАН, 2007. 182 с.

14. Мартынов Л.Н. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. В.В. Дементьева. Л.: Советский писатель, 1986. 768 с.

15. Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Политиздат, 1988. 496 с.

16. Тетугев Б.И. Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века (генезис, жанровые особенности, поэтика). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 340 с.

17. Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026,
принята к публикации 25.08.2026,
опубликована 30.09.2026.

Berberov, Burhan A. – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore, Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Centre of RAS (Nalchik, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>; burhan_berberov@mail.ru

A SYSTEM OF KEY AXIOLOGEMS IN KARACHAY-BALKAR NON-RITUAL SONGS.

Keywords: *folklore, non-ritual poetry, historical-heroic songs, analysis, key axiologemes.*

This article presents an analysis of Karachay-Balkar historical and heroic songs from the XIVth to XXth centuries, classified as works of non-ritual poetry in terms of genre and style. Specific research material includes song lyrics about Tamerlane the Conqueror; the social and class inequality of peasants and exploiters; epidemic diseases (plague, cholera); interethnic conflicts; the events of the Great Patriotic War; the deportation of Karachays and Balkars in 1943-1957; and the ideals of the Soviet era. A distinctive feature of this article is its focus not so much on the specific events of historical and heroic songs, but on the results of popular reflection and a comprehensive understanding of the described events and facts from the perspective of humanistic philosophy. Using a continuous sample, component analysis, and systematization of all the studied lyric-epic material, a set of key axiologemes was identified that generally characterize the value-based worldview of the North Caucasus highlanders. These include «the priority of the spiritual over the material», «the principle of rational altruism», «a healthy conservatism in gender issues», «the absolutization of peaceful life», «the denial of military conflict», «the preservation of ethnic identity», «the cult of creative work», and «the vertical of the spirit». The theoretical significance of this article lies in its clarification of the semantic scope of the concept of «axiologem»

as it applies to oral folklore. The practical value of this article lies in the fact that its materials can be used in courses on the history of Karachay-Balkar folklore in higher education. This material on the archetypal spiritual and moral values imprinted in folklore texts can also be effectively applied in the educational system of North Caucasian comprehensive schools.

For citation: Berberov, B.A. A system of key axiologems in Karachay-Balkar non-ritual songs. KAVKAZ-FORUM. 2026, iss. 27 (34), pp. 22-34. (in Russian). DOI:

REFERENCES

1. Khadzhieva, T.M. (comp.). *Karachaevo-balkarskii fol'klor* [Karachay-Balkar Folklore]. Nalchik, Ehl-Fa, 1996. 592 p. (In Karachay-Balkarian).
2. Berberov, B.A. (ed.). *Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora* [Collection of Karachay-Balkar Folklore]. T. 6. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevtsev i balkartsev* [Vol. 6. Historical and Heroic Songs of the Karachays and Balkars]. Nalchik, Print Tsent, 2025. 624 p. (In Russian and Karachay-Balkarian).
3. Sharonova, E.A. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Oral Folklore]. Saransk, Mordovian State University, 2019. 96 p.
4. Gutov, A.M. *Konstanty v kul'turnom prostranstve. Publitsistika. Fol'klor. Literatura* [Constants in the Cultural Space. Journalism. Folklore. Literature]. Nalchik, Elbrus, 2011. 216 p.
5. Domanskii, Yu.V. *Smysloobrazuyushchaya rol' arkhetypicheskikh znachenii v literaturnom tekste* [The Meaning-Forming Role of Archetypal Meanings in a Literary Text]. Tver, Tverskoy State University, 1999. 92 p.
6. Kuchukova, Z.A., Atabieva, L.Kh. *Aktual'nye matritsy zarubezhnoi literatury: ot antichnosti do sovremennosti* [Current Matrices of Foreign Literature: From Antiquity to Modernity]. *Paradigma sovremennoi gumanitarnoi nauki i obrazovaniya: traditsii i perspektivy. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Nalchik, 01–30 noyabrya 2023 g.)* [Paradigm of Modern Humanitarian Science and Education: Traditions and Prospects. Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Nalchik, November 1–30, 2023)]. Nalchik, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, 2024, pp. 169–174.
7. Tkhangapsoev, Kh.G. *Freim kak kategoriya informatsionnogo bytiya i mera kul'tury* [Frame as a Category of Informational Being and a Measure of Culture]. *Kul'turologicheskaya nauka na paradigmal'nykh razlomakh* [Cultural Science on Paradigmatic Faults]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 2019, pp. 45–52.
8. Nikolyukina, A.N. (ed.). *Literaturnaya ehntsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, NPK «Intelvak», 2003. 1600 col.

9. Malkonduev, Kh.Kh. *Obryadovo-mifologicheskaya poehziya balkartsev i karachaevtsev (Zhanrovye i khudozhestvenno-poehticheskie traditsii)* [Ritual and Mythological Poetry of the Balkars and Karachays (Genre and Artistic-Poetic Traditions)]. Nalchik, Ehl-Fa, 1996. 272 p.

10. Zanutkoeva (Gulieva), F.Kh. *K istorii sbora, publikatsii i izucheniya semeino-obryadovogo fol'klora karachaevtsev i balkartsev* [On the history of collecting, publishing and studying the family-ritual folklore of the Karachays and Balkars]. *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2025, no. 4-2 (67), pp. 162–172.

11. Malkonduev, Kh.Kh. *Vneobryadovaya liricheskaya poehziya. Genezis i poehtika* [Non-ritual lyric poetry. Genesis and poetics]. *Poehtika karachaevobalkarskoi narodnoi liriki XVI-XIX vekov. Ch. I.* [Poetics of the Karachay-Balkar folk lyrics of the 16th-19th centuries. Part I]. Nalchik, Ehl-Fa, 2000, pp. 160–223.

12. Berberov, B.A. «Timurovskii tsikl» v karachaevobalkarskom fol'klora i «Skazanie o Khromom Timure» D.-Kh. Shavaeva [«Timurov cycle» in Karachay-Balkar folklore and «The Tale of Lame Timur» by D.-Kh. Shavaeva]. *Karachaevobalkarskii fol'klor i literatura: k probleme preemstvennosti* [Karachay-Balkar Folklore and Literature: Toward the Problem of Continuity]. Nalchik, Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 43–50.

13. Shavaev (Abaikhanov), D.-Kh. *Duniya sag>yshla (Razdum'ya o zhizni)* [Duniya sagyshla (Reflections on Life)]. *Poehmy. Zikiry. Stikhi: v 2-kh ch. Ch. II* [Poems. Zikirs. Poems: in 2 parts. Part II]. Nalchik, Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2007. 182 p.

14. Martynov, L.N. *Stikhotvoreniya i poehmy* [Poems and Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1986. 768 p.

15. Borev, Yu.B. *Ehstetika* [Aesthetics]. Moscow, Politizdat, 1988. 496 p.

16. Tetuev, B.I. *Karachaevobalkarskaya avtorskaya poehziya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka (genezis, zhanrovye osobennosti, poehtika)* [Karachay-Balkar Author's Poetry of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Genesis, Genre Features, Poetics)]. Nalchik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. 340 p.

17. Anikin, V.P., Kruglov, Yu.G. *Russkoe narodnoe poehticheskoe tvorchestvo* [Russian Folk Poetic Creativity]. Leningrad, Prosveshchenie, 1983. 416 p.

The article was submitted 17.06.2026,
accepted for publication on 25.08.2026,
published 30.09.2026.